„Ленинская смена"
г. Горький
15 ОКТ 1965

ЕДИНЫЙ ВСПЛЕСК ТАЛАНТА

Каждый вечер, когда начинает редеть шумная толпа на улице Свердлова и один за другим гаснут огни театральных подъездов, из дверей кукольного театра выходит невысокая женщина с немного усталым лицом. Может быть, вы не заметите ее, торопливо убегая по вечерней улице от надоедливого осеннего дождя, а, может быть, вас на мгновение остановит ее пристальный, острый взгляд. Она поймает ваш случайный жест, запомнит выражение ваших глаз, неповторимые индивидуальные черточки вашего лица и десятка других лиц и унесет с собой домой или в театр, в небольшую кукольную мастерскую под крышей, где ее фантазия и ее руки создают удивительный волшебный мир кукол.

«За заслуги в области советского театрального искусства присвоить почетное звание заслуженного художника РСФСР Колесниковой Александре Петровне — художнику Горьковского театра кукол».

До чего же быстро и незаметно летит время! Вот она и стала первой женщиной-художницей в нашем городе, получившей это высокое, почетное звание. Кажется, это было совсем недавно — в 1938 году, когда Александра Петровна Колесникова впервые переступила порог художественной мастерской Горьковского театра кукол. Позади педфак университета, рождение и воспитание сына, забавные детские спектакли, на которые водила она своего малыша, и... пока ни знаний, ни опыта — ничего, кроме огромной любви к профессии художника и страстного желания самой, своими руками делать маленьких тряпочных актеров, чудесным образом оживающих на сцене в умных человеческих руках. Тогда в театре еще работали его основатели — Георгий Апполинарьевич и Татьяна Ивановна Яворовские, художница Ирина Алексеевна Высоцкая. Это они угадали в Александре Петровне чуткого, талантливого художника и помогли ей найти свое истинное призвание.

Она много работала, работала самозабвенно, не считая часов, проведенных в театре. Для нее не существовало слова «нет», раз это было нужно для спектакля. Трудности не пугали ее. Наоборот, они заостряли ум, делали твердыми, точными руки художницы, и когда надо было выпускать срочный спектакль, Александра Петровна превращалась в дальновидного и зоркого главнокомандующего, а ее маленькая мастерская — в поле генерального сражения. Силуэты будущих кукол, головки, груды разноцветных лоскутков и куски паралона заполняли рабочие столы. Из дальних домашних запасов извлекались старые кофточки, шерстяные платки, фетровые шляпы, и изобретательность художницы превращала тряпье в львиные гривы, роскошные кукольные туалеты, занятных лесных зверюшек — во все то, что так восхищало и поражало потом маленьких и взрослых зрителей в спектакле, выпущенном «на едином всплеске таланта».

Она жадно училась и не стеснялась учиться. У жизни. У художника театра Ирины Алексеевны Высоцкой. У Натальи Михайловны Дрягиной, рядом с которой прошли двадцать два года ее жизни в театре кукол, годы большой человеческой и творческой дружбы, увековеченные театральными остряками в шутливом прозвище — Ильф и Петров.

Каждый день приносил новое. Сегодня уже не годилось то, что было интересным творческим открытием вчера, и она без сожаления расставалась со своими находками, думала, искала, ездила в Московский театр Образцова, возвращалась полная замыслов и интересных идей и одолевала еще одну высоту в трудном и беспокойном восхождении к вершинам мастерства.

Вот и годы прошли. Шестьсот кукол, неповторимых и индивидуальных, встали яркими вешками на дороге, пройденной Александрой Петровной. Совершил путешествие за океан сладкий, длинноносый Мараскин, награжденный серебряной медалью на Всемирной выставке в Брюсселе, покорил пражан высокомерный хан Гзак, навечно поселившийся теперь в Москве в театральном музее им. Бахрушина. А в театр со всех концов Союза идут к художнице письма, и отправляются в далекие и ближние путешествия ее куклы — в солнечную Армению и заполярный Норильск, в уральский город Тюмень и к соседям-кировчанам.

Вот и годы промелькнули. Давно стал взрослым, самостоятельным человеком сын, давно ушла на пенсию Наталья Михайловна Дрягина, а дни Александры Петровны по-прежнему летят, мчатся в маленькой кукольной мастерской, и теперь уже ее ученики уходят отсюда в самостоятельную творческую жизнь.

Говорят, это свойство детей — превращать построенные из песка домики в таинственные дворцы, маленькие камешки — в горы, увидеть в луже на асфальте — безбрежные просторы океана, а в невзрачном бутылочном осколке — огромный зеленый мир.

Говорят, что только люди, сохранившие эту способность в зрелости, могут стать настоящими, большими художниками. Наверное, это действительно так. Сила воображения Александры Петровны делает обыкновенные разноцветные кефирные пробки волшебными пещерами Алладина, обертки из-под чая — роскошным драгоценным ожерельем на шее прелестной Галатеи, осколки елочных игрушек — загадочными глазами лесных зверей.

Юрий Николаевич Елисеев считает, что ему удивительно повезло. И в самом деле, не так уж часто выпадает режиссеру счастье работать с художником, понимающим его по взгляду, с полуслова. А Александра Петровна понимает, и их творческое содружество часто рождает необычайно точные, интересные находки: порхающих ангелов и создателя в «Божественной комедии», разговаривающие волосы Пигмалиона в «Прелестной Галатее», великолепную обольстительницу Люлю и постного старого отшельника в «Чертовой мельнице».

Как создается кукла? Ее образ навевает драматург, актерский голос подсказывает выражение глаз и черточки лица, ее окончательный облик формирует тонкое и точное чутье художника, рожденное талантом и многолетним опытом.

Александра Петровна постоянно ищет новые силуэты, новую фактуру, стремится сделать предельно живыми и выразительными творения своих рук.

«За заслуги в области советского театрального искусства...».

Из чего складывается ее обычный рабочий день? Да, из творчества, из художнического поиска. Но и из тысяч незаметных, будничных мелочей, без которых немыслима жизнь театра и которыми пока, хоть умри, некому больше заниматься.

Ее огромный многолетний опыт... Он — настоящая палочка-выручалочка для любого человека, работающего рядом с ней. Она знает в театре каждый закоулок, каждый лоскуток и гвоздик. Никто точнее ее не скажет, сколько бархата и тарной ткани осталось на театральном складе, никто не сможет с такой быстротой извлечь из старых запасов куски проволоки и лыка. Она тщательно собирает театральный архив, и ее толстая тетрадь с пожелтевшими от времени страницами бережно хранит память о спектаклях, поставленных здесь.

Что же еще она делает в свой обычный рабочий день? Варит клейстер, кроит, шьет, гладит, успевает помочь каждому, кто нуждается в ее помощи и совете, и между делом позаботится об уюте и свежих занавесках в этом втором своем родном доме. Она не может жить без него, без его кукольных и живых актеров, без этой неповторимой театральной атмосферы и музыки собственного театрального языка, непонятного непосвященным... Она не мыслит своей жизни вне его, но и театр, пожалуй, вдруг сразу бы опустел, уйди из него Александра Петровна.

...В маленькой комнатке коммунальной квартиры на Холодном переулке, в уголке на серванте, живет сказочное лесное зверье. Склонив набок голову, слушает мудрые истории древнего старичка-лесовика фантастическая, нахохлившаяся птица с длинным красноватым клювом, подбирается к колобку хитрая рыжая лиса, в шальном немыслимом танце кружится велесый дурашливый козел, запутанными лесными тропами пробирается тощий взъерошенный волк...

Маленькие, твердые и легкие руки художницы гладят полированный кусок дерева, ласкают и любуются его причудливо изогнутой поверхностью. Кажется, что это от их теплых и сильных прикосновений оно оживает, и вот уже дерево — не дерево, а огромная морская раковина, трепетно переливающаяся всеми оттенками розового и серого.

Мы с вами заглянули в домашний мир Александры Петровны, в котором она такая же взыскательная художница, как и в театре. Немногие знают об этом втором ее страстном увлечении, любимом «хобби», а она каждый раз, когда выдается свободный денек, отправляется в лес. Для нее нет мертвых молчаливых сучков, невзрачных замшелых пней, и там, где другие проходят, мимо, она видит в старой, покрытой серой морщинистой корой ветке маленького лопоухого слоненка, печально помахивающего длинным хоботом, нелепого милого звериного «детеныша», нетвердо стоящего на растопыренных ножках, гордого оленя, запрокинувшего голову с огромными ветками-рогами.

Милые деревянные лесные зверюшки! Александра Петровна отдает им каждый свободный уголок своей маленькой комнаты. Наверное, потому, что они сохраняют для нее запахи весеннего леса, тепло разогретой на солнце коры, неповторимое очарование таинственных лесных тропинок.

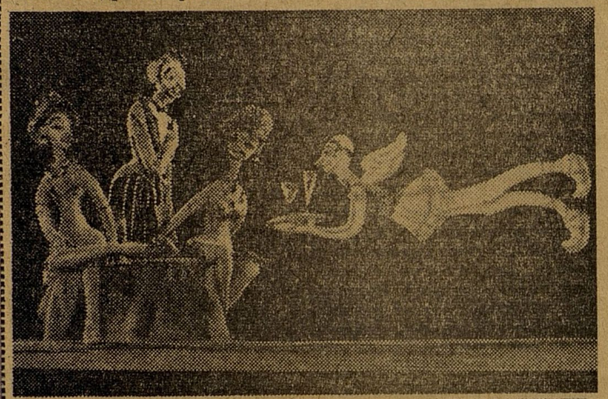
...В театре окончился спектакль. Гаснут огни театрального подъезда, в мягкий полумрак погружается маленькое уютное фойе. Вы покидаете царство кукол и выходите на шумную вечернюю улицу.

Может быть, вы обыкновенный «рядовой» зритель, и не очень задумывались о том, чей талант и умные руки подарили вам радость, унесенную со спектакля.

Подумайте об этом сегодня. Удивитесь огромному труду маленькой женщины с милым, немного усталым лицом.

И пожелайте ей большого счастья.

Л. ЧУБАРОВА.



НА СНИМКАХ: Александра Петровна Колесникова в мастерской кукольного театра (справа); сцена из спектакля Горьковского театра кукол «Прелестная Галатея» (вверху слева); в маленькой комнате на Холодном переулке живет сказочное лесное зверье... (внизу слева).

Фото А. УЛЬЯНОВА.